Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 18. ИЗДАНІЯ ГОДЪ XVI.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

ШУТЪ

30 Апрѣля 1894 г. № 18.

Пріемъ объявленій по 25 коп. за мѣсто занимаемое строкою петита, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17. Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

ПО ЛЮБВИ.

— За этого Рыбкина, Мари, ты выходишь замужъ по любви?..
— Понятно... по любви... Неужели ты думаешь, что я пошла бы за этого лысаго чорта, если бы не любила Володю Жоржикова.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.

Шекспиръ.

Весна!

Это мы имѣемъ право сказать, не свѣряясь даже съ бюллетенями Кайгородова... Май стучится въ окно.

Люди находятся въ *„поискахъ"*.

Дамы ищутъ новые весенніе наряды; отцы семействъ ищутъ дачи; поэты ищутъ рифмы.

Что хуже, петербургскія дачи или рифмы современныхъ поэтовъ—рѣшить не беремся.

Но весной и въ томъ, и въ другомъ чувствуется необходимость, а потому volens - nolens приходится мириться и съ виллами на помойной ямѣ, и съ рифмами въ родѣ „ходи" и „пути", которыми угостилъ насъ на-дняхъ одинъ изъ современныхъ шкловскихъ версификаторовъ.

* * *

„Красная Горка" даетъ себя чувствовать.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

П. А. СТРЕПЕТОВА.

— Окончился сезонъ. Немного я играла,
Но публика меня прекрасно принимала,
И авторы притомъ ко мнѣ благоволятъ—
И роли для меня всегда перекроятъ...

Гименею теперь заботы гораздо больше, чѣмъ какой-нибудь кассиршѣ финляндскаго легкаго пароходства.

Гименей не пользуется даже „воскреснымъ отдыхомъ".

Онъ неустанно соединяетъ любящія парочки тяжелыми цѣпями супружества.

„Свадьба"—вотъ самое пріятное слово для любой дѣвушки. Замужество—это альфа и омега прекраснаго пола.

Недаромъ Ж. Ж. Руссо сказалъ:

— La femme d'un charbonnier est plus respectable que la maitresse d'un prince!

Итакъ, да здравствуетъ Гименей!!

* * *

Въ Москву съѣхались гг. художники.

Понятно, они толкуютъ и разсуждаютъ о вещахъ высокохудожественныхъ.

Напримѣръ:

О пожертвованіи въ Человѣколюбивое общество, картинъ художника Ціонглинскаго.

О пріобрѣтеніи для назиданія потомства старыхъ вещей съ аукціона художника Клевера.

О выставкѣ картинъ отверженныхъ для примѣра, какъ „не надо" писать масляными красками.

Вопросы, достойные, дѣйствительно, серьезнаго обсужденія!

* * *

Опять заговорили о жрецахъ Эскулапа.

Не успѣли замолкнуть толки о врачѣ Ѳомѣ Піотровскомъ, по разсѣянности забывшемъ свой серебряный портсигаръ въ желудкѣ оперируемаго больного, какъ теперь на сцену явился докторъ Эберманъ.

Онъ такъ ловко захлороформировалъ больную, страдавшую зубною болью, что она оказалась мертвой.

Но зубную боль, за то, какъ рукой сняло.

Такимъ образомъ, найдено радикальное средство отъ зубной боли...

Fiat Medicina!

* * *

Криспи разговорился не хуже нашего г. Кедрина.

Изъ его словъ оказывается, что не будь Криспи, вся Европа перевернулась бы вверхъ торманками.

Этого мало: даже сами Альпы существуютъ только благодаря этому итальянскому премьеру.

Вотъ каковъ синьоръ Криспи!

* * *

„Нервный шокъ".

Вотъ новое словечко, изобрѣтенное для нашего оправданія во многихъ случаяхъ.

Больной умеръ на операціонномъ столѣ.

Что это? Недосмотръ?.. Ошибка?..

Нѣтъ, это „нервный шокъ".

Адвокатъ, вмѣсто оправданія, закаталъ своего кліента,—„нервный шокъ".

Желѣзнодорожный поѣздъ полетѣлъ съ насыпи—„нервный шокъ".

И такъ далѣе... И такъ далѣе...

Причина всѣхъ причинъ, это „нервный шокъ".

* * *

Телеграфисты Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства продолжаютъ отличаться.

Старая поговорка: врешь, какъ сивый меринъ, теперь упразднена.

Она замѣнена: врешь, какъ Сѣверное Телеграфное Агентство.

Вранье его корреспондентовъ не прекращается.

Недавно эти злодѣи-корреспонденты умертвили въ Ташкентѣ во время представленія въ мѣстномъ театрѣ артистку Вознесенскую.

И телеграммы объ этомъ сенсацiонномъ событiи полетѣли по всей Россiи.

Но—увы—черезъ два дня тѣ же злодѣи разослали опроверженiе:

„Артистка Вознесенская жива и здорова“.

Такъ пишется исторiя!

И такъ пишутся телеграммы нашего Агентства!

Шутъ 2-й.

МИМОХОДОМЪ.

Появляются кой-гдѣ былинки,
Звонко плещутъ, струятся ручьи,—
Даже слышалъ я, какъ, близъ Мурзинки,
Заливаясь, поютъ соловьи.

Нѣтъ—увы!—соловьевъ средь столицы,
Но за то можемъ мы, безъ труда,
Слышать, какъ намъ поютъ небылицы
Соловьи... окружного суда.

Кудрявый сатирикъ.

ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЙ.

Коко Гребенкинъ сидитъ въ своей комнаткѣ на холостомъ положенiи въ послѣднiй разъ. Завтра его свадьба съ неземнымъ восхитительнымъ созданiемъ m-lle Корочкиной... Mademoiselle Корочкина несомнѣнно достойна любви... иначе Гребенкинъ не отказался бы, конечно, отъ своихъ прiятелей, не бросилъ бы всѣхъ этихъ Фаншетъ и Терезъ, отъ которыхъ у него сохранились связки писемъ, записокъ и другихъ любовныхъ сувенировъ...

Гребенкинъ перечитываетъ ихъ и бросаетъ одну за другой въ огонь въ каминѣ...

— Гадость и мерзость...шепчетъ онъ.—Какъ я былъ пошлъ и ничтоженъ, и въ какую бездну порока чуть я не опустился...

Записки и письма сожжены...

Все покончено съ прежней жизнью...

Гребенкинъ бросаетъ взглядъ на столъ...

— А... еще одна записка...

„Душка Коко“, читаетъ Гребенкинъ, „приходи сегодня въ 8 часовъ... Мой рогоносецъ уѣдетъ въ клубъ... Цѣлую твои усики...

Мари“.

Гребенкинъ вынимаетъ часы.

— Половина восьмого... Я еще поспѣю... Но только это въ послѣднiй разъ... въ послѣднiй!..

Гребенкинъ быстро одѣвается и уходитъ.

Кимвалъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Брюссель. Въ ресторанѣ „Bonjour“ полицiя арестовала анархиста, бившаго зеркала. По доставленiи въ участокъ анархистъ—плотный мужчина съ растрепанной бородой и толстымъ краснымъ носомъ—оказался, однакоже, вовсе не анархистомъ, а русскимъ купцомъ Башибузуковымъ. Купецъ отпущенъ съ миромъ.

Фридрихсру. Князя Бисмарка снова посѣтили дамы и дѣвицы. Князь игралъ съ ними въ фанты.

Римъ. Мѣстные лаццарони поднесли Криспи два съ половиной франка на военныя нужды.

Лондонъ. Лордъ Розбэри предложилъ либераламъ-унiонистамъ и либераламъ-гомрулистамъ выпить на мировую. Обѣ партiи выпили, но, выпивши, опять повздорили. Завтра опытъ будетъ повторенъ.

ИЗЪ «МАЙСКИХЪ МЕЛОДІЙ».

Въ день майскiй сады зеленѣли,
Малиновки пѣли въ садахъ,
И весело дачи смотрѣли,
Купаясь въ весеннихъ лучахъ.

Деревья и справа и слѣва
Тонули въ сiяньи дневномъ...
Въ окнѣ показалася дѣва,
И витязь стоялъ предъ окномъ.

И ей говорилъ онъ, тоскуя
И чувства въ груди не тая:
„Хотя за калитку молю я
Васъ выйти, богиня моя!“

Внимая мученiй избытку,
Она отвѣчала тотчасъ:
„Зачѣмъ выходить за калитку,
Ужъ лучше я выйду за... васъ“.

Д. Дримъ.

ВЪ ПАВЛОВСКѢ НА ОТКРЫТІИ.

— Ну, какъ вамъ, Петръ Ивановичъ, понравился сегодняшнiй концертъ?

— Превосходный!.. А вамъ, Иванъ Николаевичъ?..

— А я такъ никогда не забуду такого открытiя!.. Одно изъ удачнѣйшихъ: и публики много, и погода прелестная... и главное... жена со мной не могла ѣхать!.. Такъ, легкая простуда...

— Превосходный вечеръ!.. И моя, знаете, тоже заболѣла: зубы. Выпьемте за такой удачный вечеръ.

Ф.

ИНТЕРВЬЮ ПО ПОВОДУ ПОЦѢЛУЯ.

Мы интервьюировали только знаменитостей.

— Поцѣлуй? сказалъ намъ Левъ Толстой: Тьфу, гадость! Дѣвушка или женщина отвратительно выставляетъ губы, къ которымъ мужчина прикладываетъ свои, иногда даже невысохшiя отъ слюней... Тьфу! И какъ на это не обратятъ вниманiя? Чѣмъ ничего недѣланiемъ заниматься, они цѣлуются!

— Поцѣлуемъ (кстати, каковъ цвѣтъ поцѣлуя?) называется собственно шлепающiй, слегка чмокающiй звукъ, заявилъ I. Ясинскiй. Блѣдныя или красныя, какъ вареные раки, губы одного субъекта касаются губъ другого субъекта. Раздается прiятный, какъ розовый цвѣтъ, звукъ и щекочетъ губы... Очевидно, поцѣлуй, какъ массажъ, даже полезенъ.

— Поэтъ К. Фофановъ вмѣсто мнѣнiя прочелъ намъ свое стихотворенiе о поцѣлуѣ:

Дрожа на алыхъ милыхъ губкахъ,
Мечту рождая и балуя,
Восторгъ ютится поцѣлуя,
Какъ смѣхъ во влагѣ цѣнныхъ кубковъ.
Но двухъ восторговъ быть не можетъ—
Ихъ обоюдность уничтожитъ.

— Князь Мещерскiй высказался такъ: По моему, поцѣлуй допустимъ только между дворянами. Когда мужики (конечно, пьяные, ибо непьяныхъ мужиковъ нѣтъ) цѣлуются, невольно чешутся руки. Березовой бы каши имъ, а не поцѣлуевъ!

— Наконецъ, художникъ Сухоровскiй сказалъ: Поцѣлуй—это то, что можетъ прекрасно описать литераторъ, и не можетъ описать судебный приставъ. Слѣдовательно, поцѣлуй очень хорошая штука!

Пилюлька.

ТО — СЕ.

Польза трезвости.

— Да, теперь я глубоко увѣровалъ въ благодѣтельное значенiе трезвости.

— Почему же только теперь?

— А былъ я, видите ли, на засѣданiи общества трезвости. Ну, и поднялись тамъ споры. Одинъ кричитъ, другой ногами топаетъ, третiй кулаками машетъ. Хорошо, что они ничего не пьютъ, а коли бъ чуть-чуть выпивши были,—такъ, навѣрно бы, дѣло до смертоубiйства дошло.

Какъ понять?

— Были на выставкѣ собакъ?

— Нѣтъ, туда жена отправилась.

Ка.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

Съ „Красной Горкой!“..

Гименей справляетъ свой бенефисъ подъ звуки жидовскаго оркестра, разыгрывающаго на кухмистерскихъ свадьбахъ вальсы и польки „шобственнаго“ сочиненiя.

Къ каретамъ приступу нѣтъ, всѣ кареты взяты подъ свадьбы.

По хорошей погодѣ маяться въ душныхъ ящикахъ, впрочемъ, не представляетъ никакого интереса, и кареты разбираются исключительно для больныхъ да для новобрачныхъ.

Вѣнчальныя свѣчи раскуплены десятками пудовъ.

* *

Въ Александринскомъ театрѣ въ воспоминанiе дебюта М. Г. Савиной въ комедiи „По духовному завѣщанiю“ на-дняхъ шла эта пьеса съ нашей премьершей во главѣ.

Марiя Гавриловна играла этотъ спектакль въ томъ же платьѣ и съ тѣмъ же носовымъ платкомъ, въ который она сморкалась двадцать лѣтъ назадъ.

Въ виду чрезвычайности такого спектакля, оповѣщеннаго во всѣхъ газетахъ, мы имѣли случай интервьюировать талантливую артистку.

— Скажите, пожалуйста, многоуважаемая Марiя Гавриловна... Апчхи!.. Pardon, это у меня легкiй весеннiй насморкъ... Видите ли, мнѣ бы хотѣлось попросить у васъ вашъ старый платокъ...

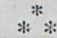
— Платокъ... но почему же старый, я велю подать вамъ новый!

— Можетъ быть, я затрудняю васъ... я попросилъ бы платье!..

— Гм... я васъ не понимаю, почему платье,—платокъ удобнѣе...

Недоразумѣнiе разъяснилось, когда мы объяснили, что интересуемся дебютнымъ платкомъ и платьемъ, о которыхъ печатали газеты.

Платье какъ платье, подолъ слегка обтрепанъ (еще бы, 20 лѣтъ!..), а на платкѣ въ углу дырка.

Были на выставкѣ художника Лингарта.

Офранцузившiйся художникъ пошелъ по стопамъ своихъ учителей и расписываетъ потолки, мебель, ширмы, фортепiано, шкатулки и тому подобное,—словомъ, все, что на глаза попадется.

Такова сила творческаго генiя!

Для пущаго интереса къ выставкѣ, вмѣсто каталога публикѣ предлагаютъ стихотворную поэзiю.

* *

Весна—пора любви, нѣжныхъ вздоховъ, трелей соловья, жаркихъ поцѣлуевъ и таинственныхъ свиданiй.

Петербургскiя барышни невзыскательны, и вмѣсто заросшихъ аллей—„аллей вздоховъ“, довольствуются желѣзнодорожными скамейками на вокзалахъ, и вмѣсто трелей соловья слушаютъ свистки локомотивовъ.

Судьба человѣка зависитъ не только отъ окружающей его природы, какъ сказалъ бы Дар-

ПОСЛѢ ПРАЗДНИКА.

— Охъ! Нѣтъ ли тутъ въ газетѣ совѣта противъ рѣзи въ животѣ? Нѣтъ! Однѣ насмѣшки надъ невоздержностью. Свинство. Жалости въ нихъ нѣтъ.

НА ОТКРЫТІИ ПАВЛОВСКАГО ВОКЗАЛА.

Среди присяжныхъ „открывателей“ и „открывательницъ“.

— Какой выдался прелестный вечеръ!
— Пыль, духота, въ вагонахъ накурено, всѣ спѣшатъ, другъ другу на ноги наступаютъ...
— Но зато музыка... какое наслажденіе!..
— Музыкѣ одной только, пожалуй, и спасибо— ее еле слышно среди шума толпы, подходящихъ и отходящихъ поѣздовъ, свистковъ паровозовъ. Но я на всякій случай уши заткнулъ еще ватой!..

УСПОКОИЛЪ.

Мужъ.—Ахъ, Лиза, какъ мнѣ сегодня везло въ клубѣ!.. Подумай, я выигралъ въ макао 3.000 рублей!..

Жена.—Ну, слава Богу!.. Я такъ рада!..

Мужъ.—Да, но за то какъ злились другіе игроки!.. Въ какой-нибудь часъ я былъ уже въ выигрышѣ 1.000 рублей!

Жена.—Но вѣдь ты только что сказалъ, что выигралъ 3.000 рублей?!.

Мужъ.—Ахъ, милочка, какая ты, право!.. Откровенно говоря, я ничего не выигралъ, или, ну... такъ... пустяки... рублей 200—300!..

Жена.—Ну, и это вѣрно?!.

Мужъ.—Гм!.. Видишь ли... Я... я проигралъ!.. Но, дорогая, успокойся, стоитъ ли говорить и волноваться о такихъ пустякахъ, какъ 300—500 рублей?!. И это въ игру въ макао, по рублю очко... Подумай, голубочекъ мой, вѣдь въ такую крупную игру легко проиграть двѣ, три тысячи... Не пойдетъ карта, и—готово...

Жена.—Боже мой, Ваня, ты меня пугаешь!.. Неужели ты такъ много проигралъ?!. Говорила—не играй въ эти проклятыя карты!..

Мужъ.—Да ты представь: ни одной девятки!.. Все жиръ, жиръ и жиръ!.. 3.000 рублей въ одинъ часъ—какъ не бывало!..

Жена (плачетъ).—Но зачѣмъ же ты раньше обманулъ меня, и сказалъ, что выигралъ 3.000?!.

Мужъ.—Да видишь ли, милочка, я хотѣлъ тебѣ раньше сообщить что-нибудь пріятное!..

Ф.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

— Иванъ!.. были у меня съ визитами?..

— Точно такъ, ваше вскобродіе, портной Ивановъ приходилъ, а сапожникъ такъ три раза васъ спрашивалъ...

* *
*

— Что это вы расхворались, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ?..

— Обыкновенная исторія: разговлялся... выпилъ, съѣлъ лишнее, ну, у меня и того... Да я, знаете, уже привыкъ къ этому, это приключеніе со мной каждый годъ бываетъ...

* *
*

— Вотъ вы были, Семенъ Васильевичъ, у Носороговыхъ... Какого вы мнѣнія о ихъ дочери?.. Какъ будто бы у ней чего-то недостаетъ... Не правда ли?..

— Совершенно вѣрно... Я узналъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, недостаетъ—порядочнаго приданаго!

Можъ.

МЕЛОЧИ.

Мужъ и жена.

— Что это сегодня твоя маменька все *шипитъ?*

— Она проснулась, милокъ, сегодня въ *кисломъ* настроеніи, а послѣ ветчины выпила *соды*... Вѣрно, отъ того!

—

Между актерами.

— У меня, братецъ, катарръ.

— Еще бы, ты такъ *жаришь* монологи на сценѣ, что ихъ даже публика не можетъ *переварить*... Каково же тебѣ!

—

За праздничнымъ столомъ.

— Вотъ Иванъ Ивановичъ, такъ гастрономъ. Прямо можно сказать, человѣкъ въ гастрономіи *собаку съѣлъ*!

— Онъ такъ часто ѣстъ колбасы изъ нашихъ гастрономическихъ магазиновъ, что съ послѣднимъ не трудно согласиться!

Пилюлька.

НАЦІИ.

Хладнокровенъ, флегматиченъ,
Гладко стриженъ, чисто бритъ
И въ наживѣ энергиченъ,
Вотъ вамъ—бриттъ.

Фатерландъ онъ вѣчно хвалитъ,
Самомнѣньемъ напоенъ;
Словно бочка, пивомъ налитъ,
Вотъ—тевтонъ.

Бонвиванъ и забіяка,
Вѣчно веселъ и удалъ,
Преданъ родинѣ, однако,
Вотъ вамъ—галлъ.

При торговлѣ шепталою,
Умѣряя мыслей бѣгъ,
Смотритъ хитрою лисою;
Вотъ вамъ—грекъ.

Преданъ думамъ злобнымъ, чернымъ,
Весь отъ алчности дрожитъ,
Зломъ являяся тлетворнымъ;
Вотъ вамъ—жидъ.

При девизѣ „падамъ до ногъ“
И, на видъ, большой добрякъ,
Но въ расчетахъ хищныхъ „тонокъ“,
Вотъ—полякъ.

Добродушенъ безконечно,
Не боясь житейскихъ грозъ,
Смотритъ онъ тепло, сердечно;
Вотъ вамъ—россъ.

Юнк. Тесаковъ.

СТРАШНЫЙ ДІАЛОГЪ.

— Петя, иди же!

— Ахъ, не мѣшай мнѣ, пожалуйста! Я душу одного молодого человѣка.

— Кончай съ нимъ скорѣе!

— Сейчасъ, сейчасъ!.. Молодой человѣкъ задушенъ! Теперь мнѣ только остается зарѣзать дѣвушку и ея мать...

— Петя, я прошу тебя итти сюда!..

— Дѣвушка зарѣзана! Принялся за старуху!.. Не знаю, вотъ, только, чѣмъ мнѣ ее прикончить: тѣмъ же самымъ ножомъ, которымъ зарѣзалъ дочь, или другимъ?..

— Это несносно, наконецъ!..

— Ну, ладно, возьмемъ другой ножъ!.. Готова и старуха: всадилъ ей ножъ въ лѣвый бокъ, по самую рукоятку, кровь такъ и хлещетъ!.. Иду!..

Разговоръ этотъ происходилъ не въ разбойничьемъ притонѣ на большой дорогѣ, а въ квартирѣ романиста Загвоздкина, между нимъ и его женой, звавшей писавшаго романъ Загвоздкина пить вечерній чай.

Ап. Бельведерскій.

СЧАСТІЕ ПОПЫТАЕТЪ.

— Дома господинъ Дубовниковъ?

— Это я. Что вамъ угодно?

— Изволите ли видѣть, я агентъ общества страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Срокъ вашей страховки истекъ вчера,—такъ вотъ, не желаете ли возобновить?

— Э... нѣтъ, не возобновлю! Ужъ я у васъ пять лѣтъ какъ страхуюсь, и какъ на зло—никакого, хотя бы и маленькаго несчастія со мною не случилось. Нѣтъ, не буду у васъ страховаться, попытаю счастіе въ другомъ обществѣ!..

К. Тото.

КУРСЫ СОННАГО ИСКУССТВА.

При обиліи всевозможныхъ курсовъ, у насъ не хватаетъ еще только курсовъ соннаго искусства.

Учредителемъ оныхъ оказывается членъ одного *ученаго* общества.

„Эти дамы“ будутъ брать уроки спанья при закрытыхъ дверяхъ.

Всѣ прочія дамы будутъ учиться принимать во снѣ красивыя позы (откидывать ручку, ножку и т. п.), подъ руководствомъ опытнаго балетмейстера.

Для теоретическаго изученія спанья—учредитель курсовъ выпускаетъ въ свѣтъ иллюстрированную христоматію, гдѣ будутъ собраны всѣ красивыя сонныя позы.

Альцестъ.

винъ, но также и отъ желѣзнодорожнаго начальства.

И вотъ доказательство:

Жаркіе поцѣлуи смутили цѣломудренное спокойствіе заправилъ Николаевскаго вокзала, и—

Скамейки вздоховъ рѣшено убрать!

Бѣдныя скамейки, бѣдные влюбленные!..

Но колесо жизни попрежнему будетъ вертѣться и поцѣлуи не прекратятся.

Разбредутся влюбленныя парочки по улицамъ, по площадямъ, и гдѣ-нибудь подъ нишей, за колонной, въ чужомъ подъѣздѣ, зачмокаютъ соловьи и современные Адонисы съ Еленой, раненные стрѣлою Амура, торопливо обнимутся на удивленіе швейцара или городового.

* *
*

Въ камерѣ мирового судьи 15-го участка, послѣ праздниковъ, разбиралось интересное „литературное“ дѣло.

Какой-то сувалкскій подписчикъ взыскивалъ съ редактора-издателя газеты „Лучъ“ — С. С. Окрейца 6 р. 70 к. Соблазнившись широковѣщательными рекламами газеты „Лучъ“ и олеографической картиной „Жигулевскія горы“, деньги эти были высланы издателю еще въ 92 году.

Но въ 92 году г. Окрейцъ — только принималъ подписку, но не выдавалъ ни газеты, ни „Жигулевскихъ горъ“, такъ какъ былъ объявленъ несостоятельнымъ, о чемъ онъ тутъ же въ камерѣ и сообщилъ мировому судьѣ.

Тѣмъ не менѣе г. Окрейцъ простилъ опрометчиваго подписчика и пообѣщалъ ему выслать и старую газету, и тѣ самыя „Жигулевскія горы“, которыя плѣнили сувалкскаго простака.

Ломоносовъ написалъ оду „о пользѣ стекла“.

Если бы жилъ Ломоносовъ въ наше время, онъ написалъ бы оду „о пользѣ олеографическихъ картинъ“.

* *
*

22-го апрѣля въ залѣ Городской Думы, во время благотворительнаго концерта, въ мѣстахъ для публики, раздалось пѣніе какой-то веселой шансонетки.

— Здѣсь пѣть нельзя, помилуйте, что вы выдумали! заволновались сосѣди.

— Позвольте, возражалъ подвыпившій субъектъ, — но вѣдь вы собрались слушать пѣніе?..

— Да, но на сценѣ, а не ваше!

— Хррррашо, я полѣзу на сцену!

Кое-какъ уговорили его сѣсть и не пѣть, но когда на сценѣ исполненіе приняло веселый колоритъ, „пѣвецъ“ принялся танцовать среди рядовъ кресelъ.

Пѣвца и танцора повлекли къ выходу и привлекли по 39 ст. уст. о наказ.

С. Эръ.

КАНЦЕЛЯРСКАЯ МЕЛЮЗГА.

— Захаръ Петровичъ, прошу васъ завтра вечеркомъ ко мнѣ, въ Новую Деревню: дачное новоселье справлять буду.

— Съ удовольствіемъ приду, но только... насчетъ общества: вы вѣдь знаете, я въ этомъ отношеніи человѣкъ очень щепетильный.

— О, общество у меня будетъ самое избранное: исключительно лица благороднаго круга, и среди нихъ даже одинъ надворный совѣтникъ.

— Позвольте вамъ, Иванъ Ивановичъ, замѣтить, что вы хвастаете: надворный совѣтникъ къ вамъ не пойдетъ.

— Почему же это надворный совѣтникъ ко мнѣ не пойдетъ?

— Чинъ очень большой.

— А вотъ увидите. Я приглашалъ даже одного статскаго совѣтника, но только тотъ, къ сожалѣнію, вынужденъ былъ отказаться отъ моего приглашенія.

— Ага, вотъ видите, статскій-то совѣтникъ и не согласился прійти къ вамъ!

— Позвольте, Захаръ Петровичъ, вы прежде выслушайте, почему онъ не согласился прійти... Потому, что завтра вечеромъ онъ пойдетъ въ баню. Если бы не баня, — онъ непремѣнно почтилъ бы меня своимъ присутствіемъ... Я совѣтую вамъ прійти: очень весело проведете время. Между прочимъ, молодежь будетъ танцовать подъ гармонію. Кромѣ того, Скворечницынъ принесетъ гитару и, подъ аккомпаниментъ ея, споетъ что-нибудь намъ. Вы слышали, какъ онъ исполняетъ „Уймитесь волненія страсти"?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Чудно поетъ! Когда онъ поетъ этотъ романсъ,—дѣвицы плачутъ. Изъ-за этого романса въ Скворечницына влюбилась одна вдова титулярнаго совѣтника, капиталистка, между прочимъ: послѣ мужа у ней остался капиталъ въ триста пятьдесятъ рублей. Женщина она, однако, пожилая, ну, а Скворечницынъ, какъ вамъ извѣстно, молодой человѣкъ, красавецъ собой: русый волосъ, усы въ струнку, фиксатуаръ, это, одеколонъ на немъ всегда... Такъ вотъ, вдова титулярнаго совѣтника и посылаетъ къ нему сваху. „Такъ и такъ, говоритъ сваха, триста пятьдесятъ рублей капитала и вдова титулярнаго совѣтника". А Скворечницынъ ей на это, можете вы себѣ представить, отвѣчаетъ: „если бы, говоритъ, у нея было и не триста пятьдесятъ рублей, а даже четыреста пятьдесятъ, то я бы и тогда на ней не женился, потому, говоритъ, я въ душѣ поэтъ, стихи пишу и въ бракѣ ищу исключительно любовнаго чувства". Тогда, можете себѣ представить, вдова титулярнаго совѣтника съ отчаянія наѣлась гущи для чистки мѣдной посуды!.. Насилу спасли!..

— Я никакъ не думалъ, что Скворечницынъ такой сердцеѣдъ!.. Ну, а скажите, Иванъ Ивановичъ, какъ у васъ будетъ насчетъ угощенія?

— Да я уже взялъ четвертную, смирновской двадцать первый номеръ.

— Вотъ это мнѣ нравится, когда меня хорошей водкой угощаютъ. Но только я думаю, что четвертной будетъ мало.

— Но послушайте, Захаръ Петровичъ, вѣдь нельзя же въ присутствіи такой особы, какъ надворный совѣтникъ, пьянствовать!

— Кто вамъ говоритъ про пьянство! Но если, напримѣръ, я выпью полчетвертной,—развѣ это будетъ пьянство?.. Я буду обиженъ до глубины души, если вы назовете это пьянствомъ!

— Ну, хорошо, я возьму еще четвертную; а на закуску пріобрѣту кое-что изъ гастрономіи, какъ напримѣръ: маринованныхъ опенковъ, фунта два музыкантской колбасы, ну, затѣмъ,—натурально, тильзитскаго сыру.

— Непремѣнно приду: смирновская двадцать первый номеръ и тильзитскій сыръ—моя слабость. Благодарю васъ, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ!.. До свиданья, будьте здоровы!..

Базиль.

НА БАЛАГАНАХЪ.

Около балаганъ, покачиваясь, идутъ два пьяныхъ мастеровыхъ. Одинъ изъ нихъ падаетъ.

— Эй, Митюха!.. Будь другъ, скажи мнѣ, я это упалъ и лежу, или ты лежишь и упалъ?..

— А-а... Что-о?!.. Лежишь?!.. А-а-а я-то почему же, милый мой, знаю, кто: ты или я!..

Итальянецъ.

НЕОПЫТНЫЙ.

Мать.—Маня!.. Нельзя же при постороннихъ и такъ открыто позволять Пучкину ухаживать за тобой, цѣловать при всѣхъ твои ручки?.. Это не хорошо, милая, неприлично!..

Дочь.—Да я и сама, мама, знаю, что это не хорошо, но что же я могу съ нимъ подѣлать, если онъ еще такой неопытный!..

и—.

— Ну, что, Катя, барыня, поди, еще спитъ?.. А завтракъ готовъ?.. Что у насъ сегодня къ завтраку?..
— Котлеты-съ!..
— Но котлеты были третьяго дня!
— Такъ точно... но онѣ были третьяго дня съ бобами и макаронами...
— Да вѣдь вчера тоже котлеты были...
— Вчера онѣ были безъ бобовъ-съ...
— Такъ зачѣмъ же еще и сегодня котлеты?!..
— А сегодня онѣ безъ бобовъ и безъ макаронъ-съ!..

РАЗЧЕТЛИВЫЙ.

Иванъ Ивановичъ поѣхалъ къ своему знакомому по дѣлу и, не заставъ его дома, вернулся домой въ скверномъ расположеніи духа.

— Чортъ возьми, говорилъ онъ,—проѣздилъ даромъ сорокъ копѣекъ на извозчикѣ!!.. Поцѣловалъ пробой—и пошелъ домой!.. Какая досада! Если бы я зналъ, что его нѣтъ дома, я бы лучше *пѣшкомъ пошелъ*, по крайней мѣрѣ сорокъ копѣекъ осталось бы въ карманѣ!..

УСПОКОИЛА.

— Вамъ нянюшка требуется?

— Да, мнѣ. Да ты, матушка, можетъ быть, замужняя. Замужнюю я не возьму.

— Будьте спокойны, сударыня: я—дѣвица.

— И вотъ еще что: хорошо ли ты умѣешь съ дѣтьми-то обращаться? Я на этотъ счетъ очень требовательна.

— Не сумлѣвайтесь, барыня: я своихъ собственныхъ дѣтей пять человѣкъ вынянчила!..

Базиль.

СВАДЬБА ВИНОВАТА.

— Степанъ! Подай сапоги! Да что ты все отворачиваешься?

— Никакъ нѣтъ; это я такъ, ваше благородіе.

— Да что тамъ у тебя? Глазъ болитъ, что ли?

— Такъ точно, вчерась на свадьбѣ былъ, ваше благородіе!

Карамболь.

За редактора издатель *Р. Голике*.

За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1894 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. 17.